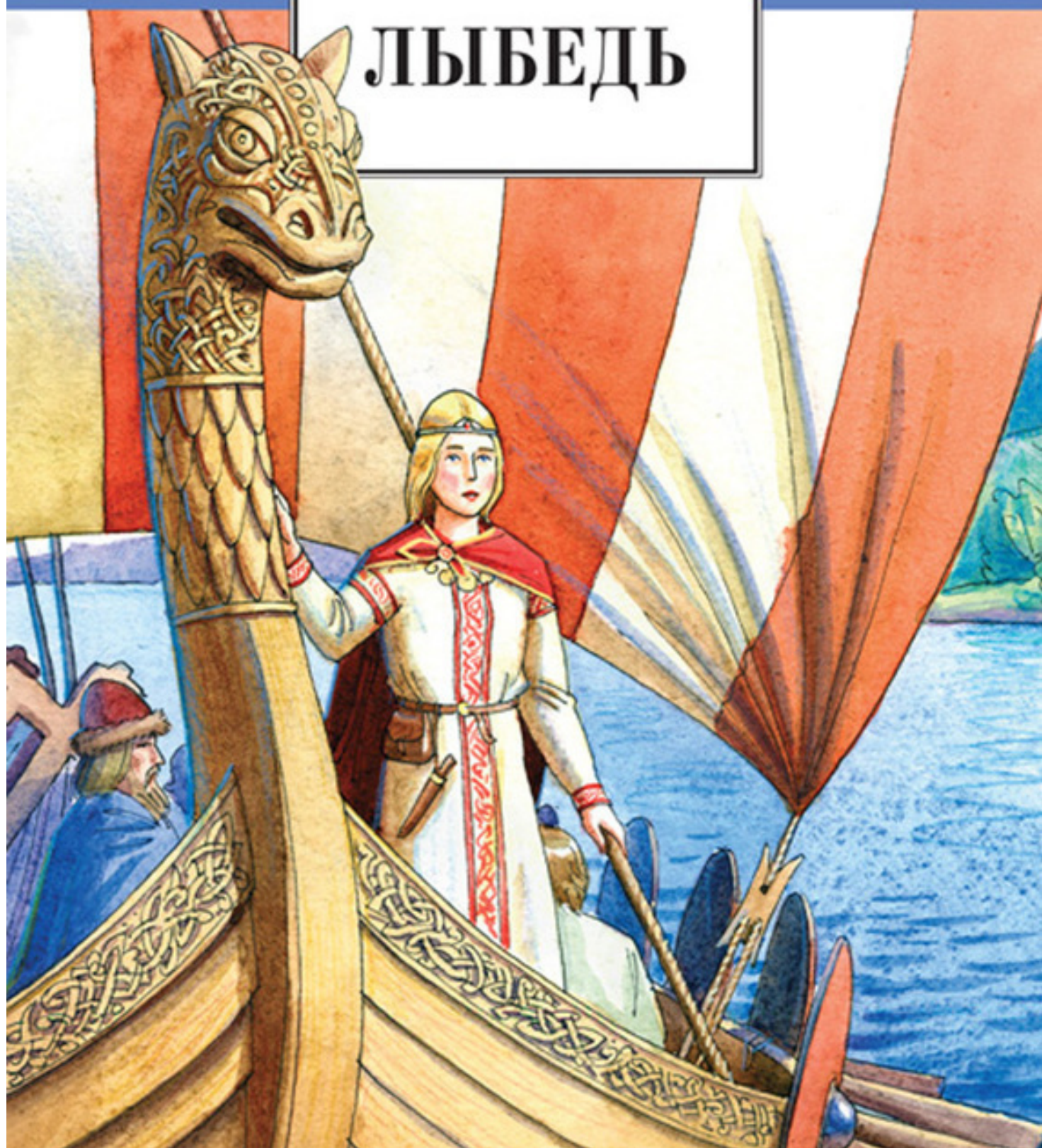

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Елена Чудинова

ЛЫБЕДЬ

Школьная библиотека (Детская литература)

Елена Чудинова
Лыбедь (сборник)

Издательство «Детская литература»

2015

УДК 821.161.1-821
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Чудинова Е. П.

Лыбедь (сборник) / Е. П. Чудинова — Издательство «Детская литература», 2015 — (Школьная библиотека (Детская литература))

ISBN 978-5-08-005480-8

Какими были в детстве наши знаменитые предки, легендарные правители Киевской Руси: княжна Лыбедь, сестра основателей Киева Кия, Щека и Хорива, княгиня Ольга, князь Святослав, креститель Руси князь Владимир, дочь Ярослава Мудрого, будущая королева Франции, княжна Анна? Как росли, чему учились, в каких домах жили, во что одевались? Обо всем этом вы узнаете, прочитав книгу Е. Чудиновой. А еще непременно почувствуете, как, даже будучи детьми, они гордились своей страной, мечтали о ее могуществе, радовались победам ее защитников. И, следя за событиями из жизни героев, вы увидите, как вместе с ними росла, крепла и развивалась наша Родина, превращаясь из нескольких затерянных в дремучих лесах селений в сильную, богатую, просвещенную страну. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-821
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005480-8

© Чудинова Е. П., 2015
© Издательство «Детская литература», 2015

Содержание

От автора	5
Лыбедь	7
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Елена Чудинова

Лыбедь. Повесть-сказка и рассказы

От автора

Я родилась и живу в Москве. В эти дни, когда моя повесть о княжне Лыбеди наконец дописана, москвичи заняты горячим обсуждением важного события – возведением большого памятника князю Владимиру Красное Солнышко, как звали его в народе. Место памятнику будет на Боровицкой площади, рядом с рекой. Ведь это в реке князь крестил некогда целый город – от младенцев до стариков, в один день превратив Русь языческую в Русь христианскую.

Но то была другая река, то был другой город! Город был – Киев, а река – Днепр. А до этого Владимир княжил еще в Великом Новгороде. Почему же памятник князю Владимиру должен стоять и в Москве?

С первых своих дней наша страна не единожды меняла столицу. Первая столица – Киев, «мать городов русских»; затем поднялась и возвысилась Москва первопрестольная, бывшая при князе Владимире разве что маленьким селением в дремучих лесах. Но когда пришла пора встать против опасного врага, Золотой Орды, именно Москва привела русских людей к победе.

Прошло время, царю Петру Алексеевичу понадобился выход к морю, и он на пустых болотах воздвиг столицу новую, более удобную для нужд морской державы – Санкт-Петербург.

А в XX веке столицей снова стала Москва.

Какой русский город славнее и красивее, какие времена русской истории интереснее? Нет нужды выбирать. Важно лишь одно: речь идет об истории русского народа, того народа, который был крещен князем Владимиром – на все времена. Поэтому князь и будет на новом памятнике поднимать над Москвой крест.

А Лыбедь, именем которой названа моя книга, жила задолго до князя Владимира. Имя Лыбедь – первое женское имя, известное в русской истории. Поэтому я и сделала мою Лыбедь не взрослой женщиной, а девочкой. Ведь и сама наша страна была тогда страной-ребенком. Все прекрасные и удивительные, все тяжелые и страшные события ждали ее впереди. Их еще не записали трудолюбивые монахи в книгах, называемых летописями. Да и монахов на Руси еще не было.

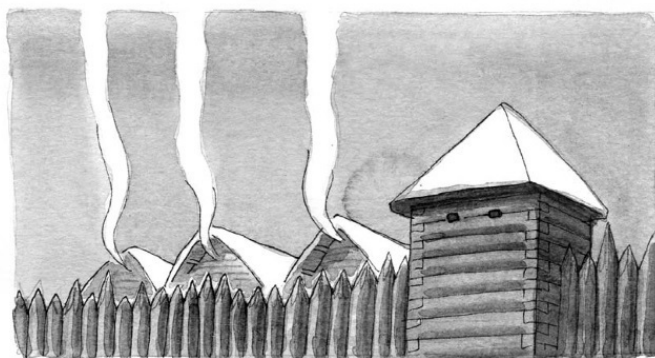
Но вот князь Владимир крестит Русь – и теперь даже женских имен мы узнаем намного больше. Тут и Прекраса-Ольга-Елена (это одна женщина, носившая за свою жизнь три имени), и Анна Русская, королева Франции, и скромная мать великого князя Владимира – служанка Малуша. Монахи записывают события – тесно становится именам! Князь Игорь и отважный князь Святослав, Владимир Красное Солнышко с верным Добрыней, князь Ярослав, не зря прозванный Мудрым...

Я буду счастлива, если кому-то из вас моя повесть и рассказы помогут запомнить на всю жизнь дела этих людей и их имена. Потому что имена их были славными, а дела – великими.

Елена Чудинова

9 июля 2015 г.

Москва

Лыбедь Повесть-сказка

Светлой памяти Юлии Николаевны Вознесенской

Если с обеих сторон седла спустить по куску вервья с нескользящей петлей на конце, вскакивать на лошадь станет легче да и сидеть надежнее. Ногой в петлю попадешь не враз, потому снизу надобно оплести ее сырмятиной: петелька будет всегда сама раскрыта для ноги¹. Есть и худая сторона: запутаешься в веревках, падая, – считать тебе колдобины затылком. Что ж, не надо падать, только и всего.

---

¹ Считается, что в Западной Европе стремена были впервые использованы в битве при Пуатье (732). Поэтому мы вполне можем предположить, что в те времена, когда Киев был еще безвестной деревней, наши предки стремян не знали.

Девятилетняя резвая девчушка, не имея нужной силы в голених и коленках, гораздо была выдумывать всякие хитрости – женский подход к мужскому занятию. А нынешней весной ей сравняется двенадцать, но дело не в том. Теперь нельзя явить какую-либо слабость, ни ребяческую, ни женскую.

Вытащив нож, старый ромейский² нож со сточенным на две трети лезвием, Лыбедь двумя взмахами разделалась с ножными опорами. Теперь можно и седлать.

– Ну что, княжна, выступаем? – Хмурый Волок, новый воевода над поредевшей дружиной, столкнулся с девочкой на входе в конюшни.

Невеселая честь не слишком-то изменила молодого воина. Был он, как всегда, одет не по-зимнему, в пестрядь³. Только волчья шкура, наброшенная на плечи, сливалась цветом с

---

² Ромейский – византийский; византийцы – подданные Византийской империи.

³ Пестрядь – грубая некрашенная ткань.

косматыми бурыми волосами. Передние лапы сцеплены на груди застежкой, оскаленная голова свисает с левого плеча.

– Выступаем. – Встретившись взглядом с серо-желтыми глазами Волока, Лыбедь своих глаз не отвела.

Легкая ободрающая усмешка скользнула меж бурых усов и бородой. Словами воевода ничего не добавил и словно бы не приметил, что с седла княжны срезаны веревочные опоры.

Волоча свою не слишком тяжелую, но неудобную ношу, Лыбедь вошла в темный денник. Серая в яблоках крепкая лошадь встретила девочку негромким ржанием, в котором угадывалось и недовольство при виде сбруи, и радость предстоящему упражнению сил. Чтоб хозяйка не возомнила лишнего, кобыла чувствительно куснула ее – с умом – за волосы.

– Ужо тебе! – Лыбедь представила, какими противными сосульками оборотится в волосах лошадиная слюна. Но все ж вытащила из рукава кусок сырой репы. – Радуйся, обратно не понесу. Из-под носа у старухи стянула.

Покуда лошадь хрустела угощением, девочка, ловко вскинув седло, затянула подпругу. Выждала, взялась за ремень второй раз, достигнув, как водится, еще одной дырки. Известно, упрямое животное нарочно надувает брюхо, чтоб затянули послабей. Тут уж выжди, покуда лошадь выдохнет. Забудешь – на скаку поползет седло набок.

Накинув узду, девочка ненадолго задумалась. Задумываться теперь приходилось над каждым пустяковым шагом, но она начинала к этому привыкать. Взобраться в седло лучше здесь, в деннике. В случае промашки никто не увидит.

Но промашки не случилось. Вцепившись изо всей силы в гриву, девочка взлетела лучше и не надо. А все одно рассудила верно: перед строем бы непременно пришлось без толку ногой махать. Так оно всегда бывает.

Выплыв из ворот конюшни в светлое морозное утро, Лыбедь миновала терем с его службами и выехала на дружинный двор. Две дюжины, что собрались с ней, были уже в седлах. Столько же воинов оставалось стеречь Киев. Всё. Больше не было.

Льдистое безмолвие стояло над отъезжающими и провожавшими. Даже малые дети не плакали на материнских руках.

Лыбедь попыталась встретиться глазами со своей подругой Забавой. Не вышло. Та стояла рядом со своими, потупив взгляд, и тени, скользившие ярким днем по юному лицу, казались темней, чем спадавший на плечи Забавы серый плат козьей шерсти.

– Добрых стезей⁴ тебе, Волок. – Поседевший в сизый цвет Дулеб неспешно выступил из строя. По справедливости воеводой следовало кликнуть его, но, памятуя о своем чужеродстве⁵, о коем, кроме него, все давно позабыли, Дулеб сам себя отвел на вечевом сходе. – Добрых стезей и тебе, княжна.

– Крепких стен вам, неоскверненного порога! – легко возвысил голос воевода.

– Мертвые в помощь! – звонко воскликнула Лыбедь, посылая серую коленками.

Поезд стронулся. Впереди – верховые. Четыре пары пустых саней, по двое воинов в каждой, замыкали.

Недобрая примета оглядываться, но все ж Лыбедь, никогда не ездивавшая дальше ловитвы⁶, не удержалась – бросила последний взгляд на Киев. Был он как на ладони – от крутого ввоза, что поднимался от переправы старого Борича (сейчас, когда река застыла под толщей льдов, ненадобного и заброшенного возчиком), до терема, поднявшего над частоколом свои многоскатные крыши. Не меньше полудюжины дюжин легких струек дыма уходило в

---

⁴ Стезя – путь, дорога.

⁵ Дулебами назывались на самом деле славянские племена, жившие на Западной Волыни. Но в давние времена случалось, что у человека, прибывшего из другого племени, племенное прозвание становилось собственным именем.

⁶ Ловитва – охота.

небо, позволяя сосчитать немалое число очагов. Большой град Киев! Скоро тесно ему будет на своем холме. Брат Хорив уже хотел огородить себе верх горы супротивной, ну да теперь оно не к спеху.

Опасаясь, как бы ненужная ее оглядка не оказалась замеченной, Лыбедь устремила взгляд промеж ушей своей серой.

Сугроб накрыл сверху жильё колдуньи, видны только украшенные лошадиными черепами колья. Старая не боится жить вне ограды – топ чужих коней слышит издалека. Ни разу еще не ошиблась. А за колдуньиным жильём – темная стена леса.

Но лес расступается, являя узкую колею.

Лес и лес, высокий лес без конца и края. Сперва Лыбедь поглядывала по сторонам. Вот молодая рысь затаилась на ветви, понимая, что добыча не по зубам, а все ж не в силах отвести жадного взгляда: ну, как кто отстанет? Сейчас тебе! Вот накренился над дорогой дуб-сухостой. Однако проехать можно: с неделю еще проскрипит. Сейчас жаль было бы тратить светлого времени на рубку.

Да, незачем ей раньше было так далеко ездить от града, незачем. Еще год назад все обсто-яло иначе. Но по весне Кий, старший брат, ушел реками – охранять торговые ладьи. В пути, на одном из днепровских порогов, вылезших на берег подстерегла обрядная засада. После, как отбились, недосчитались самого князя и двоих дружинников. Едва ли брат дался б живым, но, как только злая весть достигла Киева, в городе начали собираться в новый путь. Лучшие воины готовы были ехать осмотреть место гибели своих, покуда следы еще целы. Была и надежда привезти домой мертвые тела.

Но прежде чем дружинники покинули город, обры налетели и на него. И какой силой налетели!

Немало слыхала Лыбедь об этих полулюдях от старших. В далеких землях некий князь обнаружил, что среди подданных его появились колдуньи-злодеек, от которых всем не стало житья. Женщин этих князь повелел выгнать из племени. Долго скитались они по лесам, покуда не дошли до больших болот, где обитали злые духи. Духи были рады взять ведьм в жены. От них-то и пошло племя, способное жить только разбоем и грабежом, худшее из всех, грабежом и разбоем живущих.

Совсем плохо стало, когда над племенем невероятно размножившихся полулюдей воз-двигся общий вождь – черносердечный Аттила. Не имея иной родины, кроме гнилых болот, с яростью обрушился он на все честные племена и народы, живущие на своей земле достойным трудом. Был он хуже моровой болезни.

Зеленеть бы недоброй зеленью заброшенным полям, зарастать бы руинам, тлеть бы непо-гребенным костям, когда б не погиб черный Аттила. Повесть о гибели его Лыбедь особенно любила слушать. Еще бы! Ведь главной в этой повести была такая же девочка, как она, именем Хильдеко. На ней вождь полулюдей надумал жениться. Жёны обров послушны, как рабыни, но Аттила захотел получить северную деву со светлыми косами. Перед спальным шатром старые обрядники обыскали Хильдеко, опасаясь найти на ней хоть малый ножик. Да только Хильдеко была сильная девочка. Управилась и без ножа – задушила хмельного Аттилу своей светлой косой. Но больше всего нравилось Лыбеди, что Хильдеко еще и сумела спастись. Почти до утра выжидала она рядом с мертвецом, зная, что в свадебный шатер никто не посмеет войти. А под утро выскользнула наружу, прокралась среди хмельных стражей и бросилась в реку Дунай. Долго плыла она, прежде чем ее, обессиленную, добрые рыбаки подняли на свой челн.

После смерти Аттилы большое племя распалось на малые, но и они причиняли многие беды и готам, и франкам, и ромеям, и всем прочим народам. Франкский князь Сигиберт ока-зался слаб – попал к обрам в полон, что само по себе стыд. Но, чтоб воротиться домой, обе-щался он женить сына своего, княжича Дагоберта, на обрядке Рошели. В честь свадьбы этой франки даже заложили малый городок Рошель. Вот уж не хотелось бы жить в эдаком месте!

Проклятые кочевники! При жизни дедов стали они добираться до русских земель. Но она, Лыбедь, только на двенадцатом году впервые увидала обрыв с городского вала. Как гадки были темные их лица, на которых борода росла лишь редкими пучками из-за того, что щеки нарочно исполосованы с детских лет каленым железом! Как много их было!..

Братья Хорив и Щек, как отважно вы бились, верховодя каждый своей частью дружины! Честный воевода Сила, что сводил обе рати единым своим разумом... Уже тем мы победили, что не сгинули, как дулебы! Зима-берегиня охранит обескровленный город Кия от новых набегов. Но как набраться новой силы к весне?

– Третий час молчишь ты, княжна, – поравнялся с девочкой Волок. – Я уж озадачился: откуда столько мыслей у тебя в голове? Не сердись на шутку – это негоже. И помни одно: ты сладишь. Сладишь не хуже взрослого мужчины.

* * *

Ночевали без огня, ели строганину с лепешками, успевшими покрыться тонкою ледяной корочкой, грелись брагой. Селения на пути старательно огибали, заматали следы. До последнего места нельзя себя обнаружить, иначе добра не жди.

Последнее место, древлянский Искоростень, явилось к полудню третьего дня.

Теперь приближались уже открыто. Тонкие струйки дымов оборотились избами и колодами.

– Нас заметили? – спросила Лыбедь подъехавшего Волока.

– Еще нет, мы опередили. – Волок оборотился к Колороду: – Давай.

Колород поднял ко рту резной рог и протрубил во всю силу легких. Переждал, протрубил вновь. Третий раз. Всё, четвертого раза не будет.

Ждать пришлось довольно долго, но такое в обычае. Держат совет, скоро выйдут.

Теперь, под взглядами многих, незримых покуда глаз, надлежало показать себя в своем праве. Лыбедь, Волок и Колород недвижимо стояли отдельно, дружина – шагах в пятнадцати за ними.

Только сейчас Лыбедь в полной мере ощутила, как устали ноги без удобных веревочных подпор. Но сидела покойно, ровно.

Наконец из ворот городка показались три пешие фигуры.

– Старшего зовут Грузило, – тихо, не глядя на Лыбедь, проговорил Волок. – С ним только и говори.

Лыбедь даже не кивнула. Переговорщики налегке – это скверный знак, просто не будет.

– Было думали, в эту зиму не приедете! – приветствовал их Грузило самым дружелюбным голосом.

– Разве ты отдал что-нибудь обрэм? – откликнулась Лыбедь.

– Навьи⁷ берегли, обрыв не было. – Грузило прищурился.

– Берегли вас не только навьи, Грузило, – вас берёт Киев. Раз обрыв не было, то мы пришли за своим.

– Ты не лезешь за словом за пазуху, княжья сестра. – Одетый в черные соболя чернородый Грузило с нарочитым весельем переглянулся со своими товарищами.

Те тоже усмехнулись в усы.

– Я не княжья сестра, а княжна Киеву, и ты это знаешь, – спокойно возразила Лыбедь. – Видишь наши сани? Они пусты. Их не наполнить зряшными речами.

– Будь по-твоему. – Грузило обернулся к воротам: – Эгей! Выноси!

---

⁷ Навьи – мертвые. Предки наши верили, что умершие родственники помогают живым.

Ледок в груди, колючий, как на лепешке, что ела она поутру, даже не подтаял. Лыбедь знала: только сейчас и начнется настоящая трудность.

Недвижимы смотрели с коней Киевы люди, как подданные выкатывают все, что час назад покойно лежало в кладовых. Три дюжины медовых сот, а в придачу к ним два круга чистого воска. Шесть мешков жита. Два малых мешка гречихи. Лен и шерсть. Кожи. Меха куньи, меха беличьи. Мешок гороху. Конопля. Просо. Овёс.

– Шутил я, княжна. – Голос Грузилы сделался добродушен. – Ждали мы вас, как не ждать. Все уж посчитано, забирайте.

– Заберем лучше все сразу, так и считать легче, – приветливо вымолвила Лыбедь, не оборачиваясь, но зная, что никто из людей ее не сделал и шагу к вынесенному. – Это ведь треть будет?

– Не привычен у тебя глаз, княжна! – рассмеялся Грузило. – Тут всё как есть.

– Сдается, и мой глаз обманывает, – в первый раз разрешил себе вступить в разговор Волок. – Тут треть от добра, что мы получали о прошлую зиму.

– Треть. – Грузило глядел теперь на Волока, не на Лыбедь. – Но это все, что вам причитается. Разве Киевы дружинники стали теперь есть один за троих?

Если древлянин ждал ответа от Волока, то обманулся. Волок промолчал.

– К чему ты клонишь, Грузило? – заговорила Лыбедь вновь. Говорить было трудно – так пересохло вдруг во рту. Только б не закашлять! Нельзя. – Я и впрямь молода, не могу взять в толк.

– Так все просто, – с готовностью откликнулся древлянин. – Вас теперь на две трети меньше, стало быть, всяк получит свою долю без обиды.

– Да, нас теперь в городе мало. – Лыбеди вдруг сделалось покойно. Волок и Колород, неподвижные, как боги на погосте, казалось, подпирали ее с обеих сторон – подпирали надежно и крепко. Она словно думала вслух – для них вслух, а для Грузилы – молча. Прежде чем вымолвить слово, она знала уже, что оно одобрено ими обоими. – Многие полегли от обрвов. Но летом обры придут вновь, Грузило. И до лета мы наберем по родам новых молодых. Мы должны сделать это, как только день пойдет прибывать, не позже. Меньше чем за половину года воина не обучить. Ты сосчитал тех, кто в городе сейчас. А что будут есть те, кто еще не с нами?

Напускное добродушие тотчас сошло с лица древлянина.

– Девчонка требует полной доли, опираясь на город, что слаб, как новорожденное дитя, – сощурился он. – Как же ты накажешь нас, княжна, коли не получишь желаемого?

– Никак, – спокойно ответила Лыбедь и улыбнулась. Улыбалась она тому, что соратники ее на сей раз не услышали, напряглись.

А напрасно, она знает, что говорит. – Никак я, Грузило, тебя не накажу. Не смогу.

– Так не обойдешься ли этим? – Грузило, слегка удивившийся и словам ее, и улыбке, кивнул на выложенную дань.

– Не обойдусь. – Лыбедь продолжала улыбаться. – Ты, Грузило, похоже, недоданный воск себе в уши залил? Второй раз повторю, а третий не стану: обры тебя накажут летом, когда нас вырежут. Зачем мне беспокоиться?

– Горазда спорить! – Грузило усмехнулся. – Ладно, считай, отспорила свое.

Древлянский староста махнул рукой, даже не оборотившись на ворота. Из них, кто б сомневался, наблюдали. Мешки и коробки выкатили споро, поди, держали наготове, не зная, как пойдет торг.

– Медок-то в этом годе, того, нехорош, – поморщилась Лыбедь, оттягивая последнюю схватку. – Бортники⁸ жаловались – брали горький, как желчь.

– Мало нынче хорошего меду, – ответил Грузило степенно, тоже выжидая. – А все ж и такой годится. Назад сразу едете или чуток погостите?

– Благодарствуем, нету времени гостить. Как последнюю треть от вас получим, так и тронемся.

– погоди, погоди, о какой трети ты толкуешь? – переспросил Грузило.

– О третьей трети, вестимо. Вижу здесь только две.

Благодущие мигом слетело с лица древлянского старосты. Он скрипнул зубами – звук вышел зловещий, противный.

– Не уеду, – тихо, но отчетливо произнесла Лыбедь, невольно вжимаясь в седло. – Хотите убивать – убивайте, хотя и мы немало ваших положим. Но, покуда всего не получу, живая не уеду.

А что, очень даже могут и убить. Только на памяти такого юного града, как Киев, еще не было подобного случая. А так – обычное дело. И ведь людей можно понять. В обрыв зимой верится плохо, а доживать до весны тяжело. Каждая крошка не лишняя.

---

⁸ Бортник – лесной пчеловод. В древние времена люди не умели разводить пчел сами. Они искали жилища диких пчел в лесу, в дуплах. В дикий улей опускали бортъ – специальную снасть, на которой пчелы делали медовые соты, как и на стенках улья. Бортъ потом извлекали, а сам улей не трогали. Здесь тоже была своя наука. Бортник знал, например, сколько меда можно вынуть из дупла, чтобы пчелы не погибли. Даже когда появились первые домашние ульи, наши предки продолжали заниматься лесным пчеловодством – бортничеством.

– Не девка, а заноза. – Голос Грузилы по-прежнему угрожал, но Лыбедь отчего-то почувяла, что разговор в третий раз переломился. – Репей, смола, а не девка! Кто ж тебя торговаться учил?

Она не решалась верить своим глазам: староста улыбался, но улыбкой уже не поддельной, а настоящей.

– Брат Кий учил. И выучил, – ответила Лыбедь и осторожно, словно ступая на тонкий ледок, улыбнулась в ответ.

Еще взмах руки – и появились новые кули, мешки, связки. Да, с этим уже можно отъехать.

– Только уж назад не ворочайтесь: вправду перебьем. – В голосе Грузилы прозвучала усталость.

– Не воротимся. Коли, конечно, зерно не гнилое да крупа не с трухой, – с достоинством отвечала Лыбедь. – А ты не запугивай вслед.

– Об том не тревожься. Припас хороший, из своих кладовых добавлял, – не обиделся староста.

А это уж не Лыбеди печаль!

...Ах, как же хорошо вновь оказаться в ледяном лесу! Одни сани до половины заполнены, другие пусты еще, но не суть важно теперь. Уж неизвестно, какие птицы на хвостах несут молву впереди дружины, да только раз одни дали, дадут и другие. Теперь легче пойдет.

– С почином! – весело молвил Волок. – С почином, братья-друзи, а прежде всего тебя с почином, княжна.

– По мне, так лучше десять раз на обров сходить, – угрюмо бросил Колород. – Противно сердцу, а куда денешься?!

– А, полно! – Казалось, беззубый волк на плече Волока смеется вместе с ним. – Будет время – подданные сами нам дань привозить станут, в Киев, на подводах!

Хороша после трудного дела удачная шутка! Дружинники хохотали, как малые ребята. Кто не расслышал, тому пересказывал ближний конный. Вскоре веселился весь отряд. Надо ж такое придумать, чтоб данники сами же дань доставляли!

– Вот ведь незадача... – Волок нахмурился и понизил голос. – Вроде и неплоха твоя лошадь, княжна, да и весу в тебе чуть. Однако ж она устала. Погляжу я на стоянке, что с ней, вон как дышит неладно. А ты б перебралась пока в сани: все ж кобыле легче.

Чувство горячей благодарности к Волоку обдало жаром сердце.

– Коли ты советуешь, ладно, – с ложной неохотой ответила Лыбедь.

Надо бы в пустые, да она забралась в груженные сани. С наслаждением вытянула ноги, дрожащие, словно прошитые стежками мелких судорог. Мешки, на которые легла она, как на подушки, были жесткими, но сладко пахли гречихой и жизнью. Небо было ясное, без единого облачка. Лыбедь не сводила глаз с сияющей его голубизны.

* * *

Будь ты хоть трижды на княжении, а коли родилась в женской доле, так надо уметь прясть и ткать. Тут уж не поспоришь. Вот и снует челнок от одного края деревянной рамы к другому, словно вправду меж берегами реки. Снует, тянет за собой блескучую льняную нить. Нырнул – вынырнул, нырнул – вынырнул, пошел обратно. Дело скучное, да не слишком. Проходишь мимо станка – прибавила полотна пальца на три, дальше побежала. Полотно растет между делом: назначенного времени для тканья в сутках нет. Но и забывать не след: тканьина на станке пылится лишь у худой хозяйки.

Еще на палец прибавить – и можно бежать на псарню. Славно оценилась лучшая сука – та, что с подпалинами. Один другого лучше щенки, а смешные!.. Пятнистого надо себе оставить.

– Княжна, слышь, княжна!

От ключницы Пракседы веяло морозом, но выходила она, видно по всему, недалеко. Холод источали рубаха, запона⁹, волосы – стало быть, не надевала ни мехов, ни плата.

– Чего тебе? – Лыбедь закрепила нить. Чего б ни было, а, похоже, другое дело ей нашлось.

– В дружинную горницу тебя просят. Спустишься?

– Кто?

– Да Дулеб. Там вишь... Изверги пришли.

– Изверги? – Лыбедь свела на переносице белесые брови. – Ладно, спущусь сейчас.

Поправляя косу перед бронзовым, в две ладони, зеркальцем (редкая привозная вещь), Лыбедь задавалась вопросом: к чему ей надлежит быть готовой? Изверги, люди, что не хотят видеть над собой князей и рода, не платят дани, отказываясь от защиты, редко имеют дело до князей. В город они приходят только разве выменивать одно на другое – мясо, мед и мех на соль и хлеб. А не такие уж они между тем храбрецы. Селятся изверги в такой чашобе, что ни один степняк не проберется. Полей опять же не распахивают, чтоб не привлечь врага на открытое место. Что им грозит? Медведь-шатун? Случается, а все не вражье нашествие.

Нет, заранее не угадать. Держи ухо остро, княжна Киева!

Темная, низкая, но большая горница была зимой любимым местом дружинников, особенно вечерами. Тут сушилось дерево для выделки оружия, тут вечно кто-нибудь занимался мелкой и серьезной починкой, под неспешные разговоры.

Друг другу супротив вдоль стен тянулись две очень длинные скамьи. Под торцовой же стеной стояла скамья короткая – на троих человек, не боле. Высокая резная скамья. Прямо к ней и вышла Лыбедь, пробравшаяся в горницу внутренним переходом.

Девочку заметили не сразу – сперва ближние, после остальные. Дружинники приумолкли.

Лыбедь села на середину скамьи – на место Кия.

Извергов было трое, хотя казалось – много больше. Рослые, мохнатые, омедвежавшие, взгляд исподлобья. Похожи, как братья, но кто их знает... Надо думать, извергают себя из роду-племени люди одной складки – угрюмые, диковатые.

Трое не спеша приблизились к Лыбеди. Не дивятся, знают, невольно отметила девочка.

– Здрава будь, княжна! – вымолвил, видимо, старший. – Звать меня Вавилой, а со мной – Сила и Жила. Мы держим чащу от Синь-озерка до реки Медвянки. Десять очагов у нас, так и чаща поделена на десять пушных деленок.

– Здравы будьте, Вавила-изверг и Жила с Силою, – ответила Лыбедь неспешно. – Хорошо ль добрались до Киева, ладно ль вас здесь потчевали?

– Прости, княжна, не с таким мы делом, чтоб хлеб твой есть, – уронил Вавила.

– Так говори, с чем пришел. – Понимая, что разговор делается труден, Лыбедь выбрала Вавилу и обращалась теперь только к нему.

– Дружинник твой, Рябень, повадился брать куницу и соболя на наших заимках.

Прежде чем ответить, Лыбедь незаметно окинула горницу взглядом. Среди дружинников, стоявших за спинами извергов, Рябень не было.

– Ты удивил меня, Вавила! – Девочка рассмеялась – чуть-чуть. – Уж не суда ли ты хочешь над этим дружинником? Разве вы подвластны нашей Правде¹⁰?

– Нет. – Слово упало, как камень. Некоторое время Вавила молчал, выжидая. – Я не зову его на твой суд.

– Так чего ж тебе надобно? – Лыбедь не сумела сдержать удивления.

---

⁹ Запона – верхняя женская одежда, не сшитая на боках.

¹⁰ Правда – свод законов.

– Мы не можем позволить чужим брать нашу пушнину. Мы потолковали меж собой и порешили. Пусть знает Рябень-дружинник: его убьет тот, на чью землю он сунется за добычей.

– погоди! – Лыбедь привстала. – Вавила, неужто тебе не внятно? Если от рук изверга падет дружинник, тут уж вступит закон Киева. Тут заговорит наша Правда. Мы потребуем выдать убийцу на суд! А коли не выдадите добром, мы придем за Синь-озерко. Где десяти мужам устоять?

– Мы не устоим вдесятером.

– Так что же?

– Мы выдадим убийцу. Никто не ведает сейчас, кто им окажется. Может, это буду я, может, Жила, может, Вер-кузнец. Это справедливо. Всяк должен запомнить: мы насмерть станем за свое добро.

– Не глуп же Рябень... – Лыбедь перевела дух. – Уверена: он позабудет к вам дорожку. Вы придумали ладно, Вавила. Кому охота без войны лезть под копья? Мне не судить никого из извергов.

– Пусть окажется так.

– Пусть. И вдругорядь буду рада видеть извергов с лучшими вестями. – Лыбедь поднялась, склонила голову.

Кивнули и неожиданные гости.

Эх, нету Волока! Убыл по соседям – сговариваться о весеннем плавании на торжище. Только Волоку, почему-то только ему, Лыбедь не боится показать, что так хочет иной раз одобрения и одобрения. Впрочем, судя по всему, она справилась вновь.

* * *

– А ты станешь с ним говорить, с Рябенем? – спросила Забава на другой день, когда девочки снимали со станка готовое полотно.

– А зачем? – хмыкнула Лыбедь. – Все слышали, уже ему дружинники сами скажут да пошнее прибавят. Не люблю я его, Рябенья этого. Не тем, что ряб, а тем, что вёрток. Вот скажи: зачем на чужое зариться?

– Ты лучше сама скажи, – Забава сморщила нос, заглянув в большой берестяной туес, – зачем ты столько оческов льняных оставляешь? Да тут еще вон сколько на прясть можно...

– Оставляю, оставляю... Леню возиться.

– Леню вперед тебя родилась! А что до займок – так ведь всяк знает: изверги с умом место выбирали. Богаче там зверьем. Вот завидуха его и ухватила. – Забава принялась скатывать не отбеленную до поры ткань.

– Да погоди ты! Скажи, тебе не хочется краем глаза поглядеть, как они, изверги-то, живут? Сказывают, у них богов нету!

– Так откуда у извергов боги? Они же без роду! – с важностью ответила Забава. – Худо живут, конечно. Некому брашна¹¹ уделить, сговориться не с кем.

– Дико-то как... А хотела я хоть одним оком глянуть...

– Сказать тебе секрет? – Забава в нерешительности перестала сворачивать полотно. – Только большой.

– Понятно, сказать! – возмутилась Лыбедь. – Когда я секреты выдавала?

– погоди... – Решившись, Забава принялась шарить в холстяной поясной суме. – Не помню, клала ли с собой... А, вот!

---

¹¹ Брашно – еда, угощение.

Из сумы явилась лента для косы – яркая, голубая. Лыбедь сперва решила, что из привозных, с торжища. Богатый цвет. Но тут же поняла ошибку. Лента была своей работы, здешней, из обычного льна.

– Ты сама такое сделала? Как?

– Не совсем сама. Ходит тут с Синь-озера одна старуха. Бетой звать. И сейчас здесь, у Зябличихи, остановилась. Вот она и делает краски, на диво прочные да красивые. Никто так не умеет. На какие краски особые камешки мелет, на иные лепестки цветочные в конопляном масле трет. Да только покрасишь – стирай не стирай, долго не блекнет. У меня таких пять, косоплеток-то, да еще плат летний хочу узорами покрыть. И сегодня сбегаю с ней повидаться.

– Без меня? Вот подруга! – Лыбедь возмутилась.

– Ну ты вишь княжна... Стоит ли тебе с извергами знаться?

– Позорного в том нету! А чего она за свои краски хочет?

– Как – чего? И мясом вяленным возьмет, и крупой, и солью... Всему рада. Вдовееет она второй год. Муж тоже стар был, с волком не совладал. Мало она уже пушнины берет со своей заимки.

– А дети что ж мать оставили? Или так у извергов всегда?

– Бездетная. Вроде как померли у ней все пятеро от горловой трясовицы, а потом уж других не родилось.

– Да, тут всякому научишься!

* * *

Весело скрипя снегом, девочки шли по Киеву. Лыбедь, пробираясь меж отяжелевших под белыми шапками заборов, пришла к заключению, что подруга давненько знает эту самую Вету. Слишком уж много ей известно о старухе.

Дом старой Зябличихи, малый и низкий, встретил их слабым теплом: недавно затопленная, печь только набиралась жару. А в княжьем тереме затопили еще до того, как девочки у станка захлопотали.

– Кто с тобой, Забава? – Морщинистая, как сушеное яблоко, Зябличиха оказалась не совсем довольна. – Здрава будь, княжна!

– И тебе здравствовать.

– Здравы будьте! – вымолвила вторая старуха, кланяясь.

Вета оказалась на полголовы выше Зябличихи, широкоплечей, худой старухой с резкими чертами лица, полускрытого темным платом. Даже бровей не видно было из-под ткани, только глаза горели молодым огнем – запавшие в глазницы, но яркие. Нет, не вызывала жалости старая извергиня.

– Коли пришли, идемте к столу, покажу, чего принесла, – сказала она без улыбки, но глуховатый голос прозвучал ласково.

Вид какой-то муки, серой либо черной, рассыпанной по мешочкам, Лыбедь разочаровал. Где ж цвета?

– Цветно будет, как разведешь, – поняла старуха настроение. – Вот эту водой горячей – станет красно, эту брагой покрепче – в изумруд пойдет. Каких тебе охота цветов, княжна?

– Лазоревого.

– Тогда вот твоя краска. – Вета протянула девочке крошечный туесок сизой пыли. —

Поставь полотно кипятить в котле да высыпь в воду. Подольше выдержи, не вынимай, пока вода вовсе не остынет. Руки после маслом ототри – запачкаются. А ты мне что принесла?

– Соли возьмешь? – Лыбедь вытащила из своей сумы мешочек.

– Как не взять? Соль мне всегда надобна. – Старуха была довольна.

– Тяжело тебе управляться одной? – не удержалась спросить Лыбедь, когда подруги засобирались уходить.

– Будь заимка моя победней – не управлялась бы, – просто ответила извергиня. – За каждым сободем мне не поспеть. Да только муж мой богатое место застолбил, когда был молодым. Набила пушнины к прошлому торгу, набью и в этот раз. Благодарствую, что дело тебе до того есть.

* * *

– Правы ли наши, что извергов не любят? – задумчиво спросила Забава на обратном пути. – Тоже люди, просто живут на свой лад. Но вреда ведь от них нет.

– Нет и пользы! – посерьезнела Лыбедь. – Вот послушай, как мне Волок сказывал. Изверги, они завтрашний день заедают, наш, Полянский¹², русский.

– Как это? – изумилась Забава. – Вроде ничего у нас не просят.

– А так. Вот скажи мне: что было бы, заживи все извергами? Без дани, без Правды, без городов, без дружины. В лесах безопасно от степняков – до какой поры? Покуда поля не распапешь. Распахал землю – уже ты на виду. Значит, кормились бы все мясом да кореньями. Никто б жита сам не ел, никто б на торг не возил. Опять же городов от врага не спрячешь. Стало быть, надо военным делом заниматься – в поте лица, как пахать. Сидя от человека в безопасности, хорошим воином не станешь. Для себя жить – на месте топтаться. Так Волок говорит.

– Умён он, Волок-то, страсть!

– Да, князем бы хорошим был. – Лыбедь потерла замерзший нос овчинным отворотом рукавицы. – Да только это раньше поляне князей выкликали на сходе – нынче князем родиться надобно. Ну, или через родство.

– Давеча Запева, Волокова мать, сердилась на него, – невпопад молвила Забава. – Двадцать пять зим пережил, а все жены не возьмет. И так его бранила и эдак. Должник-де перед родом, чего дожидается – непонятно...

– Ну, женится когда-нибудь! – отмахнулась Лыбедь, которой скучно было слушать о том, чем недовольна старая Запева. – Идем скорей: Пракседа обещалась каши молочной в печи поддумянить.

* * *

Странно течет жизнь, думала Лыбедь, вертя в руках засиявший замечательным голубым цветом убрус¹³. Только что сняла она высохшую обновку с распялок. Еще полгода назад, стоя над посеченными телами Щека и Хорива, верила она, что никогда не уйдет больше из груди острое жало боли. Что не улыбнуться ей больше, не засмеяться, не запеть... А вот же – и смеется, и поет, и радуется тому, что наденет летом яркий плат. Хорошо оно или худо? Ни то, ни другое, вероятней всего. Пока человек жив, кружат вокруг него и радости, и заботы.

Воротится Волок – надо будет с ним посоветоваться насчет Рябеня. Или сейчас потолковать с Дулебом? Надо ль такого в дружине держать? Та ведь история, с извергами, нехороша. Хоть до их убытка Киеву дела нету, а все ж не страхнем с руки: на чужое человек польстился. Был и еще недавно случай: слишком сильно прибил Рябень в схватке новичка. Новичков, знамо дело, больно бить надобно, чтоб не подставлялись, да только и меру понимать надлежит. А тот парень трое суток отлеживался, знахарка уж засомневалась, что выходит. Калечить-то своих не

---

¹² Полянский (от «поляне») – русское племя, что жило по Днепру. Киев был Полянским городом.

¹³ Убрус – большой головной платок, спадавший на плечи и обыкновенно сколотый под горлом украшением наподобие броши.

умно, а неопытного – и подло. Да и надежности мало в нем. Вот второй день где-то шатается, десятник недоволен.

Ладно, не станет она покуда говорить ни с Дулебом, ни с Волоком. Понаблюдать еще надо – спешить незачем.

Из затянутого пузырем окна в горницу доносился шум схватки, удары мечей, хохот, возгласы досады, веселые крики: этим окном покоец княжны выходил на дружинный двор. Еще когда день умалился, принял Киев новых дружинников. «Неопытные, а каши с мясом едят, как хорошие», – ворчал Дулеб. Ворчи-ворчи, старина, такое ворчанье любо слушать. От довольства оно, для виду.

Что бывает тревожней мгновенной тишины? Только что все гремело, кричало, веселилось и злилось – и вдруг стихло. Лыбедь сама не заметила, что руки ее уже потянулись к теплему корзну¹⁴. Оделась прежде, чем услышала – зовут.

...Четверо мужчин, в двоих из которых Лыбедь узнала недавних извергов, Вавилу и Жилу, несли на ременных носилках тело, укрытое с головой. С ними рядом за какой-то надобностью шла старая Вета, но это не было сейчас важно.

Сердце девочки, остановившейся на высоком крыльце терема, пропустило несколько ударов. Во всяком случае, так показалось самой Лыбеди, наблюдавшей, как носилки опускают на снег, как толпятся вокруг них дружинники, как расступаются, чтобы показать ей открытую теперь голову.

Она поняла раньше, чем узнала эти рыжие волосы, это особенно рябое теперь, когда смертно побелело, лицо. Он, Рябень. Мертвей мертвого, даже не будь видно страшной колотой раны на шее.

Худо, ох как худо!

– Так кто ж будет убийца? – спросила Лыбедь. – Не ты ли, Вавила?

– Нет. – Изверг мотнул головой. Странная звериная досада исказила его лицо.

И тут вперед выступила вдруг старая Вета.

– Я, – молвила она спокойно и страшно.

* * *

Дулеб сыскал княжну отчего-то в трапезной. Свечей в такое время тут не жгли, только шипела лучина, роняя в корытце угольки. Не будь так светлы косы Лыбеди – не враз бы ее углядеть в темном углу, усевшуюся на пол.

– Вот ты где... – Дулеб, ступая мягко, как всякий хороший охотник, подошел.

– Здесь. – Голос княжны был пустым, безразличным. – А зачем искал меня?

– Знаешь зачем. – Дулеб присел за стол, на самый край скамьи. – Мудра ты не по годам, княжна, а все ж мала. Худо уклоняться от советов старших друзей. Откройся мне, потолкуем! Твои братья мне верили.

– Я не хочу карать за негодяя.

– Так я и думал! – Дулеб усмехнулся в усы. – Да, Рябень был человек негодный, негодяй.

– А ты понимаешь, – теперь голос Лыбеди зазвенел, – ты понимаешь, что он нарочно пошел на заимку старой вдовы? Его предупредили, что убить обязался всяк, к кому он сунется. Вот он и решил: старуха не сладит. Ты понимаешь это, Дулеб?

– Не первый год живу на свете. Уж коли тебе, стригунье, ясно, чего уж обо мне говорить? – Дулеб вздохнул. – Да, таковы были его черные помыслы. Сомнений нету. Не только алчен был, но и подл.

---

¹⁴ Корзно – плащ.

– Зачем они выдали старуху, трусливые изверги?! – Лыбедь стиснула маленькие кулаки. – Она поступила по совести!

– А что ж им было – всем полечь ради старой? – рассудительно ответил Дулеб. – Она, неведомо, проживет ли еще год? Не расчет. Да и вообще – уговор дороже куны¹⁵.

– Зачем надобен такой суд?

– Эх, княжна... – Лица Дулеба, сидевшего спиной к лучине, было не разглядеть, но по голосу девочка поняла, что он усмехается. – Легко было б судить, когда б сомнений не знать. Не всегда виновен тот, кто виновен. Но сердце человеческое обманывается часто. Не по сердцу суд вершится – по Правде. А Правда гласит: за убийство княжьего человека – смерть.

– Мочи нет, против я! Не по справедливости получается!

– Смирись. – Дулеб поднялся. – Хорошо, как Правда со справедливостью совпадают, но не всегда так выходит. Справедливость – у каждого своя, Правда – одна на всех. От пристрастия она не зависит. У людей перекасти-поле, у проклятых степняков, царьки их вершат судьбы людей по своей прихоти. Кто не люб – казнят, кто люб – милуют. А у нас, людей возделанной земли, выше князей Правда.

Лыбедь промолчала. Лучше б поспорила еще: спорщика легче убедить. С безмолвным что сделаешь? Кто ее, девчонку, разберет, что у нее на уме?

* * *

Когда луна пошла умяляться, назначили день для судилища.

Летом суд вершили на широком дворе перед главным крыльцом. Немало люду вмещал двор – слушай и смотри, кому есть охота. Ну а зимой, кто не успел заранее прийти, не обесудь: дружинная горница всех киевлян (так еще при брате Кии стали называть жителей города) не вместит. К тому же на сей раз, ввиду того что разбиралось дело об убийстве дружинника, больше, чем обычно, воинов захотело присутствовать на суде. Но все ж вместились и горожан не меньше дюжины. Особо – с распущенными, посыпанными жирной золой волосами – стояла вдова Рябеня – Нерада. Будучи женат, Рябень жил не в общей спальной в тереме, предназначенной для холостых дружинников, а держал свой дворик – близко к князьему.

Бок о бок с ним отстроился и меньшой брат Рябеня, Рыж. Он ныне поддерживал под локоть Нераду – с видом торжествующим и возмущенным.

Однако ж семье, дружинникам и киевлянам предстояло набраться терпения. Никто не спешил вывести из поруба старую Бету. Вместо этого к княжеской скамье выступил Хортич – переваливший сорок с лишком зим горожанин. На локоть отставая от него, вышли двое взрослых сыновей – Ксой и Хортич-меньший.

– Что же, начнем суд, да не устыдятся нас боги и предки, – вымолвила Лыбедь важно. – Готовы ли вы, Хортич, Ксой и Хортич, вверить себя Полянской Правде?

– Готов я, – хмуро изрек Хортич.

– Готовы, – эхом откликнулись за ним сыновья.

– Добро. Стало быть ты, Хортич, призван, а вы, Ксой и Хортич-меньший, призывали? Ох, Правда Правдой, а ладно ли сыновьям отца к суду призывать?

– Чего тут ладного? Бивал их мало по ребяческим летам, стыда не вколотил, – угрюмо отозвался старший Хортич.

Одобрительный гул пробежал по горнице. Однако Лыбедь заметила, что иные промолчали. Так ли просто дело, как казалось?

– Худо ли, хорошо ли, а уж вызвались обвинять – вините! Держи речь ты, Ксой.

---

¹⁵ Куна – шкурка куницы. В Древней Руси использовалась как денежная единица.

– Всем ведомо, – хмуро, но уверенно заговорил тот, – что мне сровнялось двадцать две зимы, а брату моему – двадцать зим. Всяк подтвердит, что в такие годы положено искать жену.

Лыбедь кивнула. Действительно, спорить не приходится. Многие и моложе женятся. Но к чему он клонит-то?

– Нашлись и для нас красные девы неподалеку, – продолжил Ксой. – Уж слово за слово, полшага до сговора. Однако ж мы не при пашне живем, а в городе. Дом нашего отца Хортича мал.

– Мой терем и тот невелик! – хмыкнула Лыбедь. – При пашне жить просторней, знамо дело, да кров ненадежен.

– Стало быть, как повелось, должен отец отделить женатых-то сыновей. Верно ль мы рассудили, скажи, княжна?

– Вроде бы верно, – нахмурилась Лыбедь. – Ас чем ты не согласен, Хортич?

– Место в городских-то стенах не дешево, – отозвался отец. – Одному бери, другому... Обоим разом! Лесу-то не занимать стать, дом построить не жаль, а вот место...

– погоди! – изумилась девочка. – У тебя, сказывают, немало кун в ларях. Разве ты обеднел, Хортич?

– Куны есть, да, почитай, не в ларях они. – Хортич не обиделся. – Хочу ближние три года по шесть ладей из варяг в греки¹⁶ слать. Им же, неслухам, лучше погодить со свадьбами. Большое богатство по воде придет. Так нет, уперлись: девок, мол, другие просватают! Одних просватают – другие сыщутся, велика важность.

– погоди, так им что, еще три года не жениться ради богатства твоего?

– Да пускай женятся, коли такая охота. Только на обзаведенье полушки не дам. Коли хорошо ты, княжна, братьям внимала, знаешь: куны мои и Правда за меня будет.

Глухой ропот прошел по собранию – теперь не вдоль, поперек шерсти.

Не оборачиваясь по сторонам, Лыбедь ощущала на себе все взгляды. Знала: рассудит худо – вдругорядь будут советчики-взрослые из нее масло жать. Заране станут говорить, как ей дело поворачивать. Сейчас решается, самой ли ей в ближние годы править. А ведь прав старый: Правда за него. Но и недовольны этим киевляне, недовольны. Как судил бы Кий?

– Живи со своим добром. Но чужую-то жизнь заедать не дадим тебе, – сурово заговорила она. – Ксой и Хортич-младший, вот что я вам предложу. Тесно в стенах Киева. Но ничего покуда не стоит место на Хоривице-горе да на горе Щека. Хотели мои братья, чтоб три горы побежали друг к дружке – за домом дом. Расширяться Киеву пора.

– Но постой, княжна! – охнул старший из сыновей Хортича. – Мы отстроимся вне стен, а степняки придут?

– Успеете в Киеве укрыться.

– Мы-то успеем! – угрюмо подхватил второй брат. – А что нам степняки оставят? Пепелище пустое? Каков толк селиться в незащищенном месте горожанину? Будь мы землепашцы – ладно. Те нарочно об один день дома ладят. А у меня ремесло есть. Колесник я. Потеряю много.

– Знаю! – Лыбедь взмахом руки оборвала недоуменный гул. – Коли допустим летом степняков под стены, из княжьей казны возмещу потери. Отстроим заново. Столько раз отстроим, сколько понадобится, покуда новые дома в новые стены не возьмем. Ну как, селишься на Хоривице?

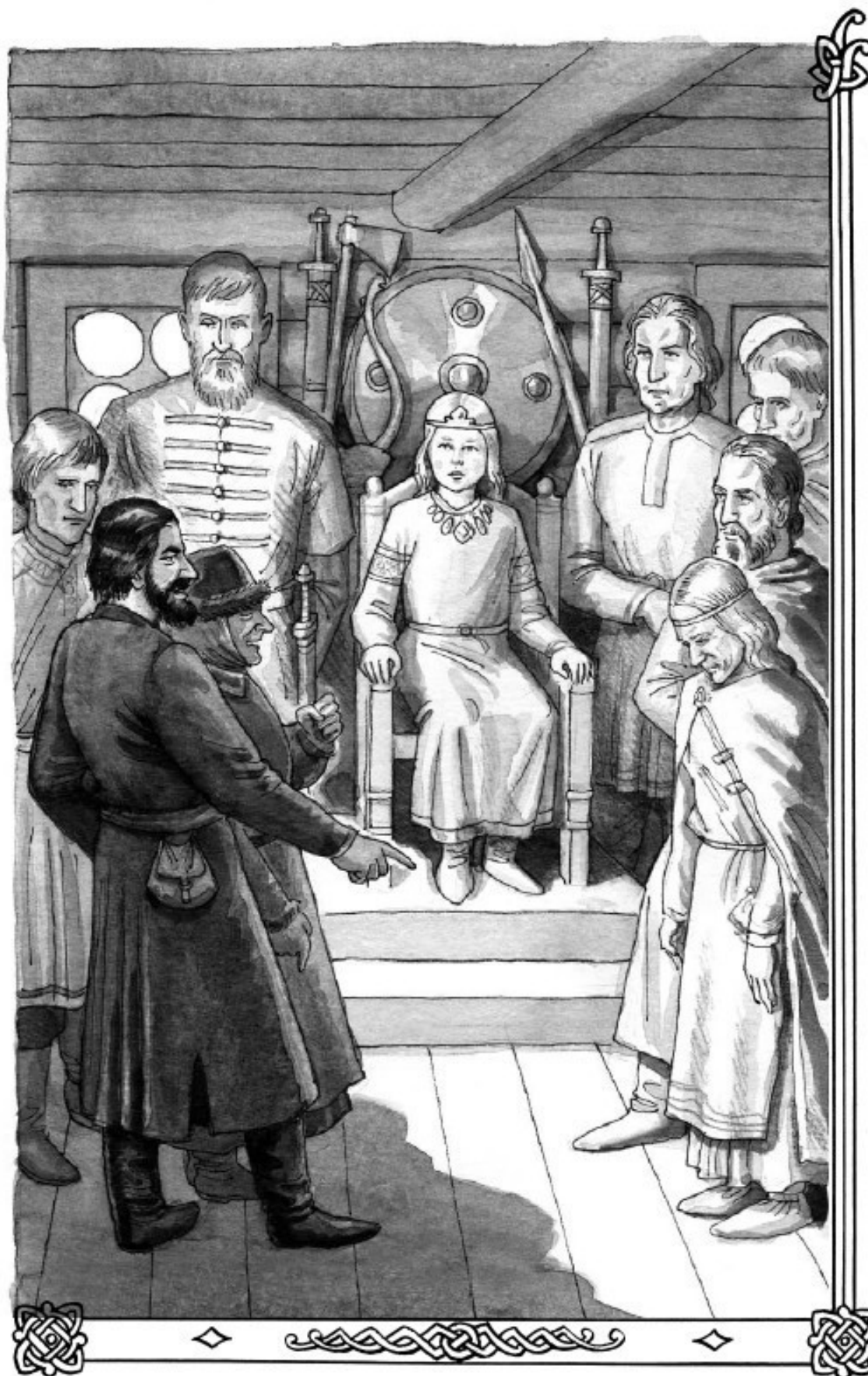
– Селюсь! – решительно ответил молодой киевлянин.

– Селюсь и я! – подхватил второй брат. – На Щековице!

---

¹⁶ Путь из варяг в греки – водная торговая дорога наших предков. Начиналась она от Балтийского (Варяжского) моря, дальше шла по реке Неве в Ладожское озеро, оттуда по реке Волхов в Ильменское озеро, потом по реке Ловать. Затем лодки волоком перетаскивали в Днепр. Пройдя семь опасных порогов Днепра, миновав (либо не миновав) засады степняков, русские выходили к Черному морю, где встречались с византийцами (ромеями). Русские везли грекам-византийцам хлеб, воск, пушнину, у них брали ткани, украшения, вино, пряности.

– Стало быть, шлите сватов своих.

Не таясь теперь, Лыбедь уверенно обвела собрание глазами: сладила! Довольными глядели все – кроме, понятное дело, Хортича-старшего. Знамо дело, уверен был, что по его получится. Ну да ладно, теперь – самое сложное.

Вперед уж выступили Рыж и Нерада. Последняя зло и довольно стрельнула глазами, когда из толпы вышла старая Вета. К ней не приставляли охраны: куда старухе бежать зимой? В чужом племени уже не пригодится, одной сил не хватит обустроиться.

– Знаешь, княжна, Правду, – уверенно заговорил Рыж. – За убийство простого человека можно виру взять. За убийство княжьего дружинника – смерть.

«Да уж, не поспела я его в тычки из своих людей выгнать, – с досадой на себя подумала Лыбедь. – А насколько бы проще все было».

– Правду я знаю... – Сердце девочки забилося часто-часто, но голос оставался ровен. – Только вопрос в ином. Кого сочтем мы убийцей Рябенья?

– Как это – кого?! – взвизгнула Нерада. – Вот она, убийца, перед нами!

– Так, да не совсем, – продолжила Лыбедь. Все замолкли, напряженно слушая детский голос. – Не своей волей убивала Вета. Воля к убийству была у десяти хозяев. Десятеро сговорились, десятеро оружие наготове держали. Что ж, остальным девяти уйти от наказания?

– Нет! – обрадованно взревел Рыж. – Все должны ответить!

Лыбедь поймала несколько изумленных взглядов. Забава зажала рукой рот, чтоб не охнуть. Недоумение проступило в лице Дулеба. Погодите!

– Так ты согласен, Рыж, что ответ держать надлежит всем? И ты, Нерада, согласна?

– Согласны мы... Пусть все отвечают! Не только она!

– Мы согласны!

– Добро, – проговорила Лыбедь с затаенной угрозой. – Но Правда гласит: за жизнь княжьего человека – жизнь убийцы. Но нет в ней такого, чтоб за жизнь одного брать десятью жизнями!

– Ну так можно старую убить, а с остальных виру взять. – Рыж почуял, что разговор идет не туда, куда он думал, но приготовился сопротивляться. – Так всем и будет кара.

– Э нет, погоди! – Лыбедь протестующе вскинула ладонь. – Жизнь за жизнь взять – счета кончены, чисто! Сверх того требовать нельзя.

– Стало быть, казнить только старую? – Рыж теперь уже казался растерян.

– Это как же так?! – Лыбедь привстала. – Твоего брата убили, а ты предлагаешь мне оставить ненаказанными участников смертного сговора? То ли я услышала?

– Я... то есть нет... Я как раз хочу, чтоб наказать... Только... – Теперь сбился Рыж.

– Коли делить вину на десятерых, смертной казни не выходит, – заключила Лыбедь. – Стало быть, придется родне погибшего брать виру. Делим, стало быть, виру на десять дворов. За убийство положено двадцать кун. С каждого изверга выйдет по две куны.

– Две куны?! – Рыж взревел, будто уронил на ногу топор. – Стало быть, каждый пустяком отделался?!

– Ты сам согласился с каждым словом. Теперь не на что пенять. Хвала богам, а княжий суд кончен, киевляне.

* * *

– Носа-то не задирай особо. – Дулеб прошел с княжной вместе во внутренние покои. – С огнем играла. Ну, как теперь все повадятся убивать вдесятером задешево? Тогда как запоешь, пичужка?

– Не повадятся.

Лыбедь чуяла, что Дулеб хоть и ворчит, а не злится. Да и с чего злиться? Довольные расходились киевляне, довольные ушли изверги. «Мала, да востра!», «Эко прижала!», «Добра, да не глупа!» – все эти негромкие возгласы еще гудели в ее ушах. А перед глазами стояло лицо старой Беты. Мертвое, безразличное ко всему вначале, неподвижное, и вдруг как что-то дрогнуло в нем, затеплились глаза... Ровно огонь разожгли в холодной печи. Как она обернулась на княжну в дверях, словно хотела что-то молвить... Все это пьянило, будто Лыбедь хлебнула случайно настоявшейся браги, той, что подают дружинникам. – Не повадятся. Всяк же понял, что случай особый.

– А ты вместишь в ум, что, коли случится заурядный случай, тут на особый и кивнут? Поди тогда докажи, чем один от другого отличен. В Правде отличия нет.

– Ну, пустое! – Лыбедь вдруг озаботилась своим ткацким станком, принялась сосредоточенно проверять, ладно ль натянута основа. Но Дулеб молчал, выжидая. Наконец Лыбедь повернулась к старому воину: – Еще придумаю что-нибудь. От Правды не отойду, а придумаю.

– Придумает она! Правда не дышло, чтоб куда повернул, туда и вышло. Гляди, княжна, впредь будь осторожней!

– Буду, – процедила девочка неохотно. – Хоть бы похвалил за что – ругаться-то проще.

– Хвалю за Щековицу и гору Хорива. Ладно разрешила. Глядишь, и другие парни побегут за ними отделяться – от родителей-то подале. Не любо молодым у старших на глазах семью начинать. Коли года три не пустим степняков под свои стены – уже будет, что взять в кольцо новых стен.

– Все время живем мы с оглядкой на Степь. Мы ладим, а они рушат.

– От чужого тела степняки-кровососы живы, вроде тех насекомых, что носят на себе. Впрочем, оно и ладно, что носят.

– Почему? – Лыбедь, не таясь, махнула рукой на постылый станок. Уселась на скамью рядом с Дулебом. – Хлопоты одни с их насекомыми. Тело мертвое замучаешься обирать – того гляди, пакость какая через нож либо саблю на тебя перескочит. Я-то, понятно, мертвых не обирала, а вот братья, бывало, досадовали.

– Русский воин ходит тихо! – усмехнулся Дулеб. – Тяжелоступу в дружине не место. А все ж далеко нам до степных: крадутся тенями, вовсе бесшумно. В темноте не различить степняка, когда б ни одно. Сама догадаешься?

– Запах! – воскликнула Лыбедь. – Запах зловонный!

– Никакой зверь так не смердит! Запах бежит впереди степняка, запах выдает его приближение. Сам же человек зловония своего не чувствует.

– Как – не чувствует? – удивилась Лыбедь.

Частенько же доводилось ей тайком проскальзывать в холодную баню после весело проведенного на псарне дня. Не шибко весело поливаться ледяной водой. Да и ту, случается, сама же несешь от колодца. Но злая вонь, совсем незаметная на дворе, шибает в нос, едва войдешь в палаты. Кому охота тащить ее за собой в горницу?

– Ты потому чуешь дурной дух, что привыкла к чистоте, – пояснил Дулеб. – К зловонию человек принохивается, притерпливается, стоит, к примеру, посидеть в узилище. Степняк не знает, что такое омовение, не то что добрая наша баня. Степняк не ведает стирки. Одежды тлеют на нем, потерявшие цвет от грязи. Потом опадают, как старая кора. Степняк не слышит своего духа, а стало быть, и не ведает о нем. Тут наша сильная сторона. Сколько раз мы о них наперед знали!

– Как это оно – жить степняком? – задумчиво спросила Лыбедь.

В мыслях девочка увидела картину кочевья: далекий окоём, однообразный и пустой, сухая трава под ногами. Ни могучего древнего дерева, изогнувшего свои ветви, как руки великана, ни юного веселого подлеса... Как отличить родную землю от чужой? Да и надо ли отличать, если не знаешь не ведаешь, где родился на свет? Палатки из кошмы, а то и просто крытые

кибитки с неуклюжими цельными колесами. За самый краткий срок лагеря как не было: все разобрано, погружено, увязано... Только пепел да сальные угли кострища, только обгрызенные кости да нечистоты – вот все, что осталось от присутствия людей. Но и эти следы скоро поглотит Степь, словно заживит рану.

– Не пытайся понять. – Дулеб пытливо заглянул в детское лицо. – Все у нас различно. В жизни и смерти, в детстве и старости. Лес не поймет Степи.

– Понять нельзя, но знать надлежит, – уверенно ответила Лыбедь. – Отчего помянул ты о детстве и старости?

– Вообрази, что ты воевода, что враги напали в неожиданном месте. А с тобой не только дружина, но жены, дети... И врагов больше. Равного боя не выйдет даже без такого бремени. Что надлежит делать старшему?

– Кого-то отрядить прикрывать жен и детей, чтоб ушли, кого-то и вперед выпустить. Ты почему спросил?

– Коли опасность велика, степняки бросят женщин и детей. – Дулеб усмехнулся ужасу княжны. – Жен можно взять новых, те родят еще детей. Мужчина ценнее малых и слабых.

– Но как же доброе имя?! – вскинулась девочка. – Да любой наш воин бросится на свой меч, коли такое случится по его вине!

– Нету меж них доброго имени. Ответь, кому подносят на нашем пиру лучший кусок?

– Старикам, кому ж еще... – Вопрос был уж очень нелеп, но Лыбедь решилась ответить. – Старикам и лучший кусок, и почетное место.

– Если в Степи голодно, кочевники уносят своих стариков в особые овраги, на поживу собакам. – Собаки те почитаются священными, носят ошейники, украшенные красными лоскутами.

– Люди ли они, Дулеб? – тихо спросила девочка. – Если ничто, чтимое человеком, для них не священо, то можно ли называть степняков людьми?

– Не тебе и не мне ответить на этот вопрос. – Дулеб поднялся, завершая разговор. —

Разве волхвы, из тех, что живут вовсе наособицу и провидят скрытое, знают ответ, да нам не скажут.

– Почему волхвы не ходят к людям, а ведьма, старая Туга, живет при граде, Дулеб? – задержала последним вопросом Лыбедь обычно неразговорчивого собеседника.

– Волхвы, они сами по себе, им только с богами разговор значим. Ведьма при людях – как клещ на собаке. Вылечить, заговорить, разобраться меж живыми и навymi. Заговорились мы с тобой. Прощай покуда, княжна.

Шаги Дулеба стихли за дверью, а девочка все сидела у своего станка, задумчиво глядя на угасавший в низкой печи огонь.

* * *

Снега за ночь намело столько, что, когда Лыбедь въехала в лес, над ее головой словно сомкнулась ослепительно белая крыша. А яркий солнечный луч, как раз пробившийся сквозь облако, разбросал по этой крыше пригоршни самоцветов.

Левая нога устала, и девочка сошла с лыж, чтобы их переладить. Теперь надо короткую лыжу укрепить на правую ногу, а длинную – на левую. Готово! Лыжи, ладные вязовые лыжи, подбитые камусом¹⁷, легко заскользили меж деревьев.

Походный мешочек, хорошо пристроенный, не бил по спине и не тянул лямками плечи, поскольку ничего тяжелого не содержал. Хлеб в тряпице, еще не успевший замерзнуть, мягкий,

---

¹⁷ Камус – жестковолосая часть шкуры животного.

нож, огниво и особый секрет Лыбеди – несколько горстей прибереженных с осени желудей. Желуди ей очень даже понадобятся.

Там, за ельником, спряталось озерцо, никогда не замерзающее до дна. Очень уж веселые ключи бьют внизу. Это-то озеро и приглядело для своей плотины семейство бобров. Известно, бобр не любит ледяной толщи. Он зимой не спит в своем домке. Ладный домок у бобра! Человеку – по колено высотой, а уж чист! Никогда бобр у себя не напачкает. Плетет он домок из веток, а укрепляет их глиной, ну прямо как у людей. Бывает, вместо домка, если берег подходящий, бобр роет нору. И надо ему, чтоб земляной пол был на две ладони выше воды, для сухости. А если поднимется вода, он тут же наскребет земли со своего потолка, так и поднимет пол, и вновь утопчет. А уж какими сваями укреплена его плотина! Умен бобр, до чего ж умен! Хорошо ль брать его на мех? Впрочем, вроде наши и не берут...

Лыбедь поправила мешок на спине. Не подозревала девочка, что охотиться на бобров дружинники перестали после того, как любимая княжна всю осень рассказывала им о своих надеждах подружиться с бобровой семьей. Грустная была Лыбедь осенью, не догоревавшая после гибели братьев.

Вот, вехой на пути к озерцу, возвысился огромный дуб. Дупло – на высоте в два человеческих роста, взрослый человек легко поместится. Нет ли там медовых сот, знают ли его бортники? Забраться на такое дерево – ох, далеко видать! Но это летом, не в зимней одежде.

Справная зимняя одежда на девочке. Дубленые сапоги мехом внутрь, новые, нога-то растет! Совсем новые, еще не стоптались по ступням, правый не отличишь от левого. Вместо собольего корзна – овчинный короткий полушубок, так на лыжах сподручнее. Пушистый плат белого козьего пуха на голове. Тепло пальцам в ладных рукавичках. Тепло, весело бежать. По полю быстрее было бы, да по лесу занятнее. Лес – дом родной тому, кто знает его, кто никогда в нем не заплутает. Русский дом лес.

Еще лучше было бы, кабы бежали наперегонки с Лыбедью веселые собаки, оглашая чащобу громким лаем. Но какие уж тут собаки, когда едешь в гости к бобрам?

Любят же бобры желуди, ох как любят! Угодит Лыбедь им своим угощением...

Привычная бегать на лыжах, Лыбедь успевала глядеть и под ноги, и вперед, и наверх, и по сторонам. Потому и не пропустила того, чего никак нельзя пропустить.

След.

Тяжелый и глубокий, изрядной тушей впечатанный в плотный снег, след, какого вовсе не должно быть.

След, за ним другой... Княжна не стала за ними бежать. Довольно понять направление, чтоб свернуть ровнешенько в другую сторону.

Выходит, в гости к бобрам ей не суждено попасть в этот раз. Самое разумное – поспешить домой, в город. О такой напасти надлежит скорей рассказать охотникам. Никого в лесу нету опасней и отвратительней.

Обычно с *хозяином* можно поладить. Задрать человека он может только в честном бою, когда человеку надобны его шкура и мясо, и уж здесь, хочешь не хочешь, а встаешь друг противу дружки: ты с рогатиной, а *хозяин* – со всей своей когтистой и зубастой мощью. Лучше всего называть его *хозяином*, чтоб не поминать всуе настоящее имя – ведающий мед, медведь. Во всякое же другое время, кроме охоты, пути медведя и человека не пересекаются. А и пересекутся – страшного мало, особенно сытной осенью, богатым летом.

Всегда Лыбеди хотелось посмотреть на новорожденных медвежат. Они, рассказывают, и не медвежата вовсе, а просто круглые комочки, покрытые шерстью, – без лапок, без морды. Поэтому, родив детей, медведица начинает их долепливать лапами, вроде как сырой глиняный ком. Вот и лапки отросли, вот и мордочка вытянулась... Хоть бы разок увидеть...

Но иной раз случается и худое. Если *хозяин* не наберет летом и ранней осенью довольно жира, может он проснуться посередине зимы. Голодный, как сам голод, ослепший от пустоты в

брюхе, но не утративший разума, напротив, вдвое хитрей обычного. Такой медведь зовется шатун.

Подошвы медвежьих лап голы, как человечесьи. Мерзнут они, ступая по снегу, трескаются, кровоточат. Чтоб унять боль, медведь ищет открытый водоем, бродит по воде. Плещется, чтоб согреться. Но на морозе мокрая шкура покрывается сосульками, что недобрыми колокольцами звенят, когда идет шатун. Страшен его путь. Если найдет шатун путь к чужой берлоге, пророеется в нее, загрызет спящего собрата и съест его. Пустое и говорить, что коли не запрет шатуну есть своих, то и человек делается для него лакомой добычей. Шатун, медведь-людоед, любит нападать на всякое человеческое жилье, что стоит наособицу. Если шатун объявился, надобно опередить его: выследить и убить.

Мысли эти мелькали в голове Лыбеди быстрее, чем лыжные палки в ее руках. Вот уж лес остался позади. Еще немного – и лыжня ее упрется в дорогу, ведущую к городу. А вот уж пересекла поле малая, плохо набитая дорожка, ведущая к усадьбе знатного киевлянина Люта Несдила. Горд и богат Лют Несдила. Зимой, когда нет опасности от кочевников, любит он жить вольготно за городскими стенами.

Эх, неладно! Лыбедь замерла на бегу. Лют-то Несдила с домочадцами не знает о шатуне. Медведь-то недавно выполз: след кривой, валкий, будто браги напился *хозяин*. Спросонья так ступают.

Надо б предупредить Люта Несдилу, крюк-то невелик. Надо-то надо...

Лыбедь стояла, размышляя.

Не слишком хотелось девочке видеть Люта Несдилу. Хоть и скверно держать обиду на своих, а сердцу не всегда прикажешь. Помнила Лыбедь, как осенью, в первые дни вересеня, после тризны по Щеку и Хориву, Лют Несдила ее стороны не держал. Говорил много, говорил складно, все старался убедить киевлян: коли от княжеского роду осталась девчонка-невеличка, так надобно признать – иссяк род.

«Разве княжеская кровь ушла в землю? – веско возразил ему Волок. – Она течет по живым жилам и обещает нам новых князей, новых героев. Не будь Лыбеди – служенье свое Щеку, Хориву и Кию город бы исчерпал. Тогда б не зазорно выкликнуть нового князя. Но ныне будем мы не помнящими своего слова. Хуже нету для мужей».

«Хуже нету для мужей ходить за женским подолом», – не сдавался Лют Несдила.

«А нет ли у тебя, Лют Несдила, степняков в роду? – опасно прищурился Волок. – Русские женщины не немые служанки мужчинам. Бывали и раньше женщины на княжении, и славные воины повиновались им. Ты хулишь обычай людей русского языка?»

«Сам сказал – *женщины*. – Лют Несдила кое-как удержал удар, тут же вывернулся на другую сторону. – Одно дело – взрослая умная женщина, другое – девчонка. Какой с нее прок в битве и на совете? Я б и против мальчишки был. Время нынче трудное».

«Разве она пищит в зыбке? – Волок рассмеялся – угроза, угроза была в его смехе. – Минует три, ладно четыре зимы – и Лыбедь выберет мужа. А там пойдут и сыновья. Не велик срок ей дорасти. А покуда есть кому наставить».

Город решил выкликнуть Лыбедь, невзирая на речи Люта Несдила и его заединщика Шкворня.

И сияло золотое осеннее солнышко, когда Лыбедь, посереде главной стогны¹⁸, препоясанная мечом, ступила в щит. Сперва одной ногой, затем другой, словно в ореховую скорлупу, словно в малый челн. Щит был не княжеский, малый, из металла, а самый обычный, дружинный, – деревянный, наборный, обтянутый кожей, большой, прикрывающий в бою во весь рост.

¹⁸ Стогна – площадь.

Надежно расставив ноги, Лыбедь стояла в щите. А Волок, Остромир, Колород, Окслюда, Полуд, Прокша, Добр и Нежита, подойдя с четырех сторон, разом нагнулись и ухватились за щит. Словно поклонились девочке.

Киев взорвался криками, когда Лыбедь легко, как на качелях, взлетела вверх. Воины подняли ее сперва себе по грудь, затем на вытянутых руках кверху¹⁹.

Странно было Лыбеди, теперь не княжьей сестре, а княжне, смотреть сверху на запрокинутые к ней лица. Сколько ей будет веку – не забудет она этого дня!

«Примечай, княжна, – заметил тогда Волок. – По знатности Лют Несдила имел право взяться за щит. Но ведь он не брался за него».

Ясное дело, наравне со всеми мужами Лют Несдила принес Лыбеди клятву перед богами – не злоумышлять на княжну ни железом, ни огнем, ни отравой, ни голой рукой. Но за щит, за щит он все же не взялся.

Лыбедь стояла посреди высоко замеченного белого поля, размышляя. Как бы поступил на ее месте брат Кий? Люба ли княжна Лыбедь Люту Несдилье, нет ли, а связаны они общей клятвой, одного града насельники. К чему теперь помнить, что он не взялся за щит? Дело прошлое. Надобно предупредить людей о шатуне, тут и думать нечего. Кий бы обязательно предупредил.

Лыбедь оттолкнулась палками, лыжи врезались в сияюще-белую целину.

Усадьба Люта Несдилы, вольготно раскинувшаяся на просторе, уж не меньше десятка лет стояла не тронутой степными набегами. Добротны строения, поди, и нажито немало, всего в Киев не перетащить. Набегут летом обры – много добра потеряет Лют Несдила. Вон еще один погреб выкопал, видать перед самым снегом, – гора земли еще не притопталась.

На лай собак из дому выглянул Шкворень – человек Люта Несдилы.

– Никак, сама княжна? Не отстала ли от ловитвы? – заговорил он, торопливо спускаясь с крыльца.

---

¹⁹ Обычай поднимать нового вождя на щите взят из истории германских племен. Но автор исходит из предположения, что в языческом прошлом все северные народы сходны своим укладом жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.